E 62ª
47

62
47

О МѢРАХЪ

КЪ ОТВРАЩЕНІЮ НЕПРАВОСУДІЯ,

ПО РУССКОМУ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ.

РѢЧЬ,

написанная для годичнаго Акта въ Императорскомъ Харьковскомъ Университетѣ,

Ординарнымъ Профессоромъ А. Куницынымъ,

въ 1859 году.

МОСКОВСКІЙ ПУБЛИЧНЫЙ
ХП-11055
И РУМЯНЦОВСКІЙ МУЗЕИ

Милостивые Государи!

Изученіе отечественнаго юридическаго быта всегда составляетъ предметъ, достойный любознательности всякаго гражданина, и основательное знаніе его не только не излишне, но и въ особенности предполагается тогда, когда возникаютъ мысли о перемѣнахъ въ немъ и предполагаемыхъ улучшеніяхъ. Въ настоящее время общаго стремленія къ усовершенствованіямъ, когда такъ много выражено мыслей между прочимъ объ улучшеніи у насъ суда и расправы, когда обращено вниманіе и на учрежденія инозе́мныя, въ надеждѣ извлечь изъ нихъ для себя полезное, въ это время конечно кстати осмотрѣться въ своемъ настоящемъ и минувшемъ по этому предмету, чтобъ видѣть, чего у насъ недостаетъ и чѣмъ можно удовольствоваться безъ перемѣнъ излишнихъ. Судъ правый и скорый — вотъ весь идеалъ, къ которому стремится

всякое учрежденіе суда и расправы; неправосудіе и проволочки — вотъ зло, которое предполагается устранить при этомъ; но какъ велика область учрежденій и правилъ, которыми предполагается достигнуть перваго и отвратить послѣднее! Она и въ-половину не можетъ быть изслѣдована въ краткой бесѣдѣ. Да будетъ же позволено, при настоящемъ случаѣ, занять благосклонное вниманіе ваше однимъ предметомъ изъ этой области — *обзоромъ мѣръ, какія существовали и существуютъ у насъ, къ отвращенію неправосудія въ расправѣ гражданской.*

Правосудіе! Кому непонятно это священное слово, этотъ отголосокъ въ душѣ человѣческой закона вѣчной, божественной правды, напечатлѣннаго въ ней, какъ одного изъ признаковъ образа и подобія Божія въ человѣкѣ, и кто не отвращается нарушенія этого закона и его нарушителей? Правосудія желаютъ государи, его ищутъ подданные, имъ крѣпится общественная жизнь и обусловливается общее и частное благо. Съ того самаго времени, какъ на языкѣ человѣческомъ явились слова: судъ и судья, понятіе о правосудіи уже выражается на дѣлѣ, и неправосудіе стало предметомъ отвращенія, позора и преслѣдованія. Потому мы не можемъ представить себѣ, чтобъ и у насъ правители народа не помышляли о судѣ правомъ даже и тогда, когда судъ отдавался ими въ кормленіе, или даже на откупъ, или окупался общинами, когда по самымъ правиламъ о судѣ, судья ходилъ за отвѣтчикомъ *смотрѣть своего прибытка* (А. Э. I. № 115). Ежели въ старинныхъ нашихъ законодательныхъ актахъ о судѣ на первомъ планѣ видимъ

мы положенія о томъ, куда какой судъ тянетъ, какъ статья доходная, и, по замѣчанію одного нашего ученаго *, законъ являлся говорливымъ и плодовитымъ только тамъ, гдѣ идетъ дѣло о судебныхъ пошлинахъ и издержкахъ; то изъ этого мы не можемъ заключать, чтобъ законодатели въ то-же время не думали о самомъ правосудіи и смотрѣли на него, какъ на дѣло второстепенное, стороннее, случайное. Напротивъ, оно тамъ подразумѣвается, какъ дѣло святое, общеизвѣстное. И при передачѣ суда вотчинникамъ, помѣщикамъ, арендаторамъ и откупщикамъ надъ людьми, имъ подчиняемыми, предполагалось, конечно, что они будутъ управлять ими благонамѣренно и судить ихъ право, какъ добрые хозяева имѣній, будутъ ли судить сами, или кому прикажутъ, подъ своимъ наблюденіемъ. Самая заботливость о точномъ и подробномъ росписаніи судебныхъ пошлинъ и доходовъ имѣла въ виду, конечно, и то, чтобъ, при возмездности суда и расправы, судьи и тяжущіеся, зная во всей точности мѣру требованій законныхъ, первые не требовали и не брали, а послѣдніе не предлагали и не давали лишняго, посуловъ тайныхъ, для направленія ими вѣсовъ правосудія.

Не допуская мысли, чтобъ какой-нибудь законъ, какой-нибудь законодатель, учреждая судъ и расправу, не имѣлъ при томъ въ виду правосудія, мы не можемъ допустить и того, чтобъ законодатель, указывая обиженному путь и способъ къ достиженію защиты и удовлетворенія, не думалъ и о томъ, чтобъ эта защита

---

* *Морошкинъ* въ рѣчи объ Уложеніи, стр. 16.

была ему дѣйствительно доставляема и вмѣсто того онъ не встрѣчалъ бы въ судѣ неправды, какъ новой, горчайшей обиды во имя и къ оскорбленію права и закона. Конечно, легче сказать, или написать, чтобъ судьи судили право, другу не дружа, и недругу не мстя, нежели придумать и установить вѣрныя мѣры противъ нарушенія этого велѣнія; но въ томъ-то и состоитъ задача, заслуга и степень законодательной мудрости, чтобъ по возможности дать закону силу не на законодательной только хартіи, но и на самомъ дѣлѣ. Постановители правилъ о судѣ по обстоятельствамъ слабые, всю санкцію правосудія могутъ заключить въ положеніи: «*А не всудятъ судьи въ правду, что Богъ буди имъ судія на второмъ пришествіи Христовѣ*» (Псковск. суди. грам.), подобно тому, какъ въ прежнія времена завѣщатель, безсильный поддержать непреложность своихъ распоряженій послѣ своей смерти, думалъ упрочить ихъ только грозою суда Божія нарушителямъ предсмертной его воли; законодатель съ властію и силою караетъ неправосудіе, а потерпѣвшимъ отъ него открываетъ другой путь къ достиженію справедливости, не найденной у судьи неправосуднаго; законодатель предусмотрительный и мудрый, не отказывая въ удовлетвореніи по жалобамъ потерпѣвшихъ отъ суда неправаго, думаетъ и о томъ, чтобъ уничтожить зло въ корнѣ, или по крайней мѣрѣ предотвратить его проявленіе, и тѣмъ уменьшить необходимость и случай, особыми мѣрами уничтожать его послѣдствія; заботится о томъ, чтобъ въ судахъ торжествовала правда и не могло, не смѣло возвысить голову неправосудіе. Въ этомъ состоитъ верхъ законо-

дательной мудрости о судѣ, въ этомъ, конечно, предстоитъ ей и наиболѣе трудности.

Само собою разумѣется, что въ общихъ предупредительныхъ мѣрахъ и не настоитъ особенной надобности тамъ, гдѣ власть высшаго мѣстнаго управленія и суда сосредоточивается въ одномъ лицѣ, не на обширномъ географическомъ пространствѣ, гдѣ главный обладатель и распорядитель населенія — вотчинникъ, или князь, и судитъ всякаго самъ, или если и ввѣряетъ это своимъ подручнымъ управителямъ, то они дѣйствуютъ, такъ сказать, предъ его глазами; гдѣ всякому открытъ свободный и короткій путь каждый разъ искать защиты и управы прямо у высшаго властителя и судіи. Но когда власть верховнаго властителя распространяется на отдаленные предѣлы государства, въ которомъ управленіе и судъ по необходимости распредѣляются между подчиненными органами, могущими не оправдать довѣрія и злоупотреблять имъ, когда обращеніе обидимыхъ къ верховной власти затрудняется отдаленностію и по необходимости ограничивается извѣстными законными условіями, тогда является уже настоятельная необходимость противупоставить возможному злу возможныя предупредительныя мѣры.

I. Нѣтъ сомнѣнія, что умное устройство суда и судебнаго порядка много способствуетъ къ успѣхамъ правосудія, равно какъ и несовершенство системы судопроизводства можетъ открыть болѣе возможности къ противному; но главное условіе правдивости, или несправедливости суда скрывается, конечно, въ лицахъ, коимъ ввѣряется судъ и расправа. Въ рукахъ судьи дѣльнаго

и благонамѣреннаго и не отличающійся совершенствомъ порядокъ судопроизводства вѣрнѣе достигаетъ своей цѣли, нежели образцовый уставъ судопроизводства подъ рукою судьи неблагонадежнаго. На самую полную, самую совершенную систему судопроизводства нельзя смотрѣть, какъ на искусственную, вполнѣ благонадежную машину, а на судью, какъ только на механическаго ея двигателя. Довольно припомнить, что дѣйствію этой машины, если бы мы и назвали такъ самый полный уставъ суда со всѣми его формами, подлежатъ дѣла свободной дѣятельности человѣческой во всемъ ея разнообразіи, по ея началамъ, цѣлямъ и образу исполненія; присоединимъ къ тому безчисленно разнообразныя обстоятельства, опредѣляющія характеръ и разные оттѣнки гражданской жизни и дѣятельности, и мы поймемъ, что, если не для уразумѣнія закона, положимъ, вполнѣ яснаго, то для правильнаго и яснаго пониманія фактовъ и вѣрнаго подведенія ихъ подъ законныя нормы, недостаточно одной механической дѣятельности судьи, нужно вниманіе, разсужденіе и усмотрѣніе, слѣд. все-таки болѣе или менѣе свободная и разумная его дѣятельность, нужна энергія, оживленная пониманіемъ дѣла и любовію къ правдѣ.

На качества лицъ, требуемыя для занятія судейскихъ должностей, встрѣчаемъ мы въ нашихъ законодательныхъ актахъ только самыя общія указанія относительно лицъ, поставляемыхъ въ это званіе по выборамъ отъ обществъ и сословій, чтобъ избирались къ тому *люди добрые, лучшіе*, или, какъ и нынѣ говорится въ формѣ присяги для избирателей о всѣхъ гражданскихъ долж-

ностяхъ, замѣщаемыхъ этимъ способомъ, чтобъ избирались лица *достойнѣйшія по качествамъ ума и совѣсти.* Въ старинныхъ актахъ относительно нѣкоторыхъ должностей въ особенности, напр. губныхъ старостъ и цѣловальниковъ, требованія закона являются нѣсколько опредѣленнѣе и сложнѣе, выставляя на видъ, чтобъ избираемые къ тому были люди *добрые, душею прямы, животомъ прожиточны, грамотѣ горазды, и которыхъ бы съ губное дѣло стало»* (А. И. т. III, № 150). Требованія эти съ нѣкоторыми видоизмѣненіями идутъ и къ званію судьи. Но какъ бы мало и неопредѣленно ни говорилъ законъ объ этомъ предметѣ, самое существо дѣла объясняетъ, что первымъ условіемъ для суда разумнаго и праваго предполагается со стороны лицъ, коимъ повѣряется судъ и расправа, чтобъ въ нихъ было разумѣніе дѣла, чтобъ судьи съ дѣло его стало, не въ томъ только смыслѣ, какъ это прежде разумѣлось, чтобъ онъ не былъ отъ старости дряхлъ, или отъ ранъ изувѣченъ, но чтобъ былъ въ состояніи понимать и надлежащимъ образомъ исправлять дѣло, на которое призванъ. Дѣло же суда требуетъ въ судьѣ не одного здраваго человѣческаго смысла; но и особенныхъ спеціальныхъ свѣдѣній, знанія законовъ и законнаго порядка, знакомства съ установленными формами и пониманія духа, оживляющаго эти формы и дающаго имъ разумное значеніе. Безъ того и самый благонамѣренный судья будетъ или жалкимъ орудіемъ въ рукахъ дьяковъ, или секретарей, и невинною рукою подписывать самыя несправедливыя опредѣленія, покрывая своимъ именемъ и званіемъ лукавую неправду своихъ пѣступовъ, или, дѣй-

ствуя самостоятельно, будетъ дѣлать неизбѣжные промахи; а между тѣмъ правосудіе не въ выигрышѣ, и неправо обвиненному отъ того не легче, что судья по дѣлу его только *просудился* и неправо обвинилъ его *безъ хитрости* (Судебн. ст. 2 и Улож. X, 5, 10). Подобнаго рода просуды будутъ дѣломъ обыкновеннымъ у судьи, который не понимаетъ дѣла самъ, а дѣйствуетъ по своему неразумѣнію, или по настроенію другихъ, кохъ бы самъ долженъ былъ, но не въ состояніи, настроивать къ правильному и разумному веденію и рѣшенію дѣлъ.

Незавидную картину относительно замѣщенія судейскихъ должностей представляетъ намъ въ исторіи нашей система кормленій между прочимъ и отъ суда и расправы, когда *бояре и князи и дѣти боярскіе сидьли по кормленіямъ по городамъ и волостямъ для расправы людямъ и всякаго устроенія земляямъ и себѣ отъ службъ для покою и прокормленія*, когда гражданскія должности раздавались отъ правительства только въ награду за заслуги военныя, за раны, осадное сидѣнье, или полонное терпѣнье, для покоя и наживы награждаемыхъ (Ук. 1556 и 1660 Мая 5). Нельзя не цѣнить и не награждать трудовъ и заслугъ защитниковъ отечества, несправедливо отказывать въ покоѣ и прокормленіи труженикамъ, потерявшимъ силы и здоровье подъ тягостію военной службы: но и служба гражданская требуетъ своихъ трудовъ, своей дѣятельности, своихъ знаній, умѣнья и искусства. Безъ того и искусный вождь и тактикъ на полѣ ратномъ, не можетъ быть годнымъ поборникомъ правды противъ ябеды, коварства и ухищ-

рсній, ратующихъ на полѣ судномъ, и гроза внѣшнихъ враговъ отечества можетъ явиться на креслѣ судейскомъ смиреннымъ молчальникомъ и безотчетнымъ послѣдователемъ чужихъ убѣжденій, или съ привычною повелительностію совершать продѣлки, недостойныя судьи. За то періодъ кормленій былъ и періодомъ торжества дьяковъ какъ вообще по гражданской части, такъ и по части судебной въ особенности. На нихъ, какъ людяхъ болѣе знакомыхъ съ дѣломъ и порядкомъ, опиралась дѣятельность и значеніе передовыхъ предъ ними людей по служебному чиноначалію — намѣстниковъ, волостелей, воеводовъ и т. п. Правительство понимало это, а потому нерѣдко и самую власть судей опредѣляло въ бо́льшемъ или меньшемъ пространствѣ, именно по соображенію — были ли при судьяхъ дьяки, или нѣтъ. Такъ, по Уложенію дѣла въ городахъ на сумму свыше 20 рублей могли быть судимы только тамъ, *гдѣ по Государеву указу бываютъ съ воеводами дьяки.* Улож. XIII, 3, и Коших. VIII, 3. Но въ прежнее время, съ одной стороны, и мудрено было требовать отъ кормленщиковъ особенныхъ спеціальныхъ свѣдѣній для званія судьи, когда оно соединялось въ одномъ лицѣ съ другими отраслями управленія, когда въ рукахъ боярина, окольничаго, дворецкаго, казначея, намѣстника, волостеля, воеводы и т. п. судебная часть составляла можетъ быть меньшую долю разнородныхъ его обязанностей. Съ другой стороны, бо́льшая простота гражданскихъ отношеній и немногосложность законовъ для рѣшенія по нимъ споровъ давали, конечно, болѣе возможности обходиться въ рѣшеніи дѣлъ однимъ здравымъ разсудкомъ, особли-

во при существовавшемъ тогда успокоительномъ правилѣ и обычаѣ—дѣла, коихъ *зачѣмъ рѣшить будетъ не можно,* представлять на рѣшеніе властей высшихъ, или самого Государя. Судебн. ст. 7 и Улож. X. 2. Но съ теченіемъ времени измѣнилось многое: отношенія гражданской жизни стали обширнѣе и разнообразнѣе, а съ тѣмъ вмѣстѣ по необходимости умножились и оразнообразились и законы ихъ опредѣляющіе; судебная часть отдѣлилась отъ другихъ частей государственнаго управленія, прежній законъ и обычай всякое трудное дѣло представлять на рѣшеніе высшей инстанціи, или верховной власти, ограничены случаями дѣйствительной необходимости, дѣйствительнаго недостатка или неясности закона, и судьи положительно лишены неприличнаго имъ права отговариваться невѣдѣніемъ законовъ на случай неполнаго, или невѣрнаго указанія ихъ секретарями. Съ уничтоженіемъ названія дьяковъ, давно уже настала пора миноваться и торжеству ихъ владычества въ судахъ въ лицѣ ихъ преемниковъ; настала пора и необходимость каждому судьѣ самому знать дѣло въ совершенствѣ, чтобъ не напрасно, или даже ко вреду правосудія, занимать въ судѣ мѣсто, или быть безгласнымъ органомъ другихъ, слѣпцомъ подъ водительствомъ вождей, и съ своей стороны, можетъ быть, не всегда довольно зрячихъ, или не всегда благонамѣренныхъ.

Пусть люди, безъ приготовленія на все готовые, напѣваютъ свою старую пѣсню, что для того, чтобъ быть судьею, достаточно естественнаго чувства справедливости и здраваго смысла, что съ законами и порядкомъ можно познакомиться и принявшись за дѣло на практи-

кѣ. Но мы знаемъ, что естественная справедливость въ дѣйствительной гражданской жизни видоизмѣняется въ положительныхъ правилахъ и облекается въ необходимыя формы, знакомство съ которыми не дается однимъ чувствомъ справедливости и однимъ здравымъ разсудкомъ; знаемъ, что поздно обучаться какой бы то ни было наукѣ, когда надобно уже по ней дѣйствовать, что обыкновенными спутниками опытовъ бываютъ промахи тѣмъ болѣе важные, чѣмъ важнѣе практика, въ которой они совершаются; что встрѣчающіеся практическіе случаи, вызывая по необходимости къ суетливой заботливости ознакомиться съ потребными для рѣшенія ихъ правилами, если и образуютъ наконецъ въ головѣ рутиннаго практиканта архивъ свѣдѣній, то свѣдѣній урывочныхъ, соотвѣтственно только встрѣчавшимся и вызвавшимъ ихъ случаямъ, безъ руководительныхъ началъ, связи и общности, слѣд. всегда неполныхъ, недостаточныхъ, непрочныхъ, шаткихъ.

Нерѣдко слышны возраженія, что и неучившіеся юриспруденціи являются иногда дѣльными судьями и юристами, и выслушавшіе курсъ наукъ юридическихъ оказываются иногда плохими практикантами. Не распространяясь въ отвѣтѣ на эти возраженія, мы замѣтимъ на первое изъ нихъ, что самоучки являются во всякомъ родѣ человѣческихъ знаній, въ медицинѣ, механикѣ и проч.; но эти феномены не опровергаютъ науки, предлагающей свои услуги, а чаще заставляютъ сожалѣть, что талантъ не обработанъ ею, чтобъ явиться въ большемъ совершенствѣ для болѣе правильнаго и обширнаго развитія и приложенія; вторымъ обстоятельствомъ

подтверждается только та разумная и давно уже высказанная мысль, что наука юриспруденціи такую-же имѣетъ надобность въ сопровожденіи ея практическими занятіями, какъ медицина въ клиникѣ, ботаника въ своихъ экскурсіяхъ и т. п. Оставляя въ сторонѣ изъятія и случайности, мы не можемъ не повторить общаго и несомнѣннаго положенія, что для суда праваго, соотвѣтствующаго справедливости и закону, необходимо, чтобъ онъ ввѣрялся лицамъ, имѣющимъ уже запасъ потребныхъ къ тому свѣдѣній. Не напрасно же правительство наше давно уже начало заботиться о приготовленіи людей научнымъ образомъ къ гражданской службѣ вообще, и по судебной части въ особенности. Петръ В. учреждаетъ при коллегіи юнкеровъ, предполагая даже отправлять ихъ за границу для усовершенствованія; изъ нихъ учреждается потомъ юнкерская школа и преобразовывается въ юнкерскій институтъ, *чтобъ образовать въ Россіи людей, въ законовѣдныхъ искусныхъ;* учреждается потомъ высшее училище правовѣдѣнія, установляются при высшихъ учебныхъ заведеніяхъ юридическіе факультеты и открываются спеціальныя заведенія по наукамъ юридическимъ, наперекоръ рутинныхъ дѣльцамъ, готовымъ подавить самую мысль о научномъ приготовленіи къ дѣлу, которое они хотѣли бы удержать за собою, какъ священную тайну, подобно древнимъ римскимъ жрецамъ и патриціямъ. Порадуемся же, что и наши судебныя мѣста начали наполняться людьми, научно для того приготовленными.

Но правосудіе, какъ опредѣляютъ его Юстиніанъ и римскіе юристы, есть постоянное, твердое и неизмѣн-

ное расположеніе судьи воздавать всякому должное по закону — *Constans et perpetua voluntas jus suum cuique tribuendi.* Безъ этой благородной воли и возвышеннаго направленія, знаніе законовъ и пониманіе дѣла, вмѣсто удовлетворенія прямой и святой обязанности судьи, можетъ служить ему только удобнымъ орудіемъ для цѣлей недостойныхъ, утончая искусство, по словамъ В. Петра, *играть законами, какъ въ карты, прибирая масть къ масти, и чинить всякія мины подъ фортецією правды* (Ук. 17 Апр. 1722). И здѣсь-то предстоитъ законодателю особенно важная и трудная задача, придать на дѣлѣ силу и дѣйствіе своимъ требованіямъ суда добросовѣстнаго и безпристрастнаго, придумать и приложить на дѣлѣ мѣры къ тому, чтобъ, если не породить въ органахъ правосудія внутренней, искренней и твердой любви къ правдѣ, то по крайней мѣрѣ удержать ихъ отъ дѣйствій недостойныхъ правдиваго судьи.

II. Самымъ обыкновеннымъ и по простотѣ своей общеупотребительнымъ средствомъ къ возбужденію и поддержанію въ судьѣ правдивости и воздержанія его отъ неправосудія, служитъ *присяга*, какъ религіозный обрядъ, въ которомъ лице, принимающее на себя званіе судьи, торжественно выражаетъ свое твердое намѣреніе и обязательство исполнять свой долгъ по совѣсти и крайнему разумѣнію, и не измѣнять ему ни по какимъ побужденіямъ, призывая притомъ Бога въ свидѣтеля искренности этихъ обѣщаній, въ судію противныхъ тому дѣйствій и въ помощника къ точному исполненію этого обѣщанія. Священнымъ обрядомъ предполагается, съ одной стороны, возбудить въ присягающемъ сознаніе

важности долга по званію имъ на себя принимаемому, а съ другой — и отвратить его отъ нарушенія этого долга страхомъ сугубой отвѣтственности, не только непосредственно за дѣйствія противныя обязанности, но и за нарушеніе клятвы. Давность употребленія у насъ этого способа относительно какъ разныхъ другихъ должностей, такъ и званія судьи въ особенности, подтверждается уже однимъ старинным названіемъ *цѣловальниковъ*, употреблявшимся и для разныхъ лицъ, имѣвшихъ офиціальное участіе въ судѣ. Кромѣ того, многіе старинные наши акты о судѣ наполнены свидѣтельствами, что судьи, вступая въ это званіе, должны были предварительно утверждать присягою, что будутъ судить въ правду. Такъ, по Псковск. суди. грамотѣ, посадникъ, садясь на посадничество, долженъ *цѣловать крестъ на томъ, что ему судить право, по крестному цѣлованью, а судомъ не мстить ни на кого же и судомъ не отчитись, а праваго не погубить и виноватаго не жаловать;* князь и посадникъ обязываются *судить взирая въ правду, по крестному цѣлованью;* княжій человѣкъ, отправляясь на пригородъ намѣстникомъ, цѣлуетъ крестъ на томъ, что ему тамъ судить прямо, по крестному цѣлованью — и вообще всѣмъ судьямъ псковскимъ, посадникамъ и старостамъ пригородскимъ крестъ цѣловать на томъ, что имъ судить право, по крестному цѣлованью. Такъ, Новг. судная грамота вмѣняетъ въ обязанность посаднику, тысяцкому и владычню намѣстнику и ихъ судьямъ и иным судьямъ, всѣмъ и каждому крестъ цѣловать, да судить имъ въ правду; цѣлуютъ крестъ и присутствующіе при судѣ приставы

и докладчики. Общность и повсемѣстность употребленія присяги по всему Русскому государству, какъ по разнымъ должностямъ государственной и общественной службы вообще, такъ и судейской въ особенности, подтверждается уставными и другими старинными грамотами для разныхъ областей и сословій (Напр. А. Э. т. I, № 213, 245 и т. II, № 69), а наконецъ и общими постановленіями о присягѣ на вѣрность службы. Клятвенное обѣщаніе суда праваго и безпристрастнаго или выражалось въ отдѣльныхъ крестоцѣловальныхъ грамотахъ на званіе судьи (А. Ю. № 332), или оговаривалось особымъ пунктомъ въ присягѣ на разныя должности, съ которыми соединяется, между прочимъ, и право суда (П. С. З. № 114), или составляло отдѣльный пунктъ въ общей формѣ присяги на вѣрность государственной службы (П. С. З. № 2329), или заключается, наконецъ, въ общемъ выраженіи употребляемой и нынѣ формы служебной присяги: «всякій положенный на присягающемъ чинъ надлежащимъ образомъ по совѣсти исправлять и ни по какимъ побужденіямъ и видамъ не поступать противъ должности и присяги». Петромъ В. было даже постановлено, чтобъ и по каждому дѣлу въ особенности, по жалобѣ на неправосудіе коллегіи переходящему на обсужденіе въ Сенатъ, сенаторы, когда дѣло дойдетъ до сентанціи, учинили прежде присягу предъ Богомъ въ правосудіи и потомъ уже рѣшили дѣло по присягѣ (1718, Дек. 22, п. 4 и 1722 Апр. 27 п. 4). Не знаемъ, исполнялась ли, хотя въ началѣ дѣйствія этого правила, обыкновенная обрядность присяги, или она и всегда замѣнялась одною подписью присяги каждымъ изъ сена-

торовъ, какъ это дѣлалось въ-послѣдствіи; но не можемъ не замѣтить, что повтореніе присяги предъ рѣшеніемъ каждаго дѣла въ особенности едва-ли не скорѣе могло бы обратить ее въ обыкновенную, обыденную формальность, нежели придать ея дѣйствію бо́льшую и постоянную силу. Безъ сомнѣнія, по этой причинѣ и подписываемыя сенаторами, при слушаніи и рѣшеніи апелляціонныхъ дѣлъ, присяги отмѣнены им. указомъ Императрицы Екатерины II, такъ какъ каждый изъ гг. сенаторовъ присягаетъ при пожалованіи его въ эту должность (Им. ук. 1762, Дек. 10). Припомнимъ при этомъ, что и Петръ В. въ Кратк. Изобр. Проц. (Гл. I, ст. 13) постановивъ правиломъ, чтобъ предъ начатіемъ суда президентъ и ассессоры совершили по установленной формѣ судейскую присягу, замѣтилъ при томъ, что нѣтъ надобности повторять присягу тѣмъ изъ судей, кои присягали уже прежде, а довольно прочесть ее предъ ними только для напоминанія.

III. Но присяга установляется не съ тѣмъ, чтобъ нарушеніе подкрѣпляемыхъ ею обязанностей предать одному суду Божію надъ клятвопреступникомъ, поставить его вић отвѣтственности предъ властію государственною и освободить отъ взысканій, полагаемыхъ ею за нарушеніе служебныхъ обязанностей. То-же разумѣется и о судьяхъ, дѣйствующихъ противно долгу присяги. Если тяжущіеся подвергаются извѣстнымъ взысканіямъ за несправедливое вчинаніе и возбужденіе исковъ, или продолженіе тяжебъ несправедливыми жалобами на судей: то тѣмъ болѣе долженъ подлежать взысканію судья, неправымъ судомъ своимъ, во имя общественной власти

и правосудія, лишающій гражданина собственности, или другихъ правъ ему принадлежащихъ. При этомъ само собою разумѣется, что въ неправосудіи, какъ и во всякомъ дѣяніи, причиняющемъ вредъ, судъ неправый, совершаемый сознательно и намѣренно по какимъ-либо незаконнымъ побужденіямъ, долженъ быть различаемъ отъ неправаго рѣшенія дѣла по одной ошибкѣ или недоразумѣнію судьи. Неправосудіе намѣренное конечно подлежитъ всей строгости взысканій, какъ одно изъ важнѣйшихъ злоупотребленій власти, ввѣряемой отъ правительства. Но и неправосудіе, происходящее отъ одной ошибки или неразумія судьи, не всегда можетъ быть оставляемо безъ всякихъ взысканій, по крайней мѣрѣ, сколько это необходимо для возбужденія и поддержанія въ судьѣ надлежащаго вниманія къ дѣлу, или для замѣны судьи неразумнаго лицемъ понимающимъ дѣло. Съ другой стороны, противупоставляя судью, ошибочно полагающаго неправое рѣшеніе, тяжущимся, подвергаемымъ взысканію за неправыя иски и жалобы, при естественной мысли объ уравнительной того и другихъ отвѣтственности, нельзя не обратить вниманія на то, что тяжущемуся по одному своему дѣлу и удобнѣе вразумиться въ неосновательности своихъ претензій и легче понести взысканіе на него возлагаемое, нежели судьѣ, коему, при множествѣ и разнообразіи подлежащихъ суждению его дѣлъ, и скорѣе можно впасть въ болѣе или менѣе важныя ошибки, и тягостнѣе по всѣмъ имъ подвергаться взысканіямъ. Всѣ эти обстоятельства входили у насъ въ соображеніе при постановленіи разныхъ положеній о взысканіяхъ съ судей за неправыя рѣшенія.

Въ Судебникѣ Іоанна III о судѣ неправомъ излагается только то простое правило, что, въ случаѣ неправаго обвиненія кого-либо, приговоръ судьи со всѣми его послѣдствіями долженъ быть признанъ ничтожнымъ и судъ между тяжущимися долженъ быть произведенъ снова; о судьѣ же, положившемъ неправое рѣшеніе, говорится прямо, что ему съ дьякомъ пени нѣтъ. «*А кого обинитъ боярин не по суду и грамоту правую на него съ дьякомъ дастъ, что та грамота не въ грамоту, а взятое отдати назадъ, а боярину и дьяку въ томъ пени нѣтъ, а истцемъ судъ съ головы*». Законодатель выражается о неправосудіи только какъ о дѣлѣ случайномъ, невинномъ, ошибочномъ. О мести или дружбѣ судомъ упоминается только кратко, какъ о дѣлѣ непозволительномъ, равно какъ и о посулахъ, какъ-будто тѣ и другіе требовали одного воспрещенія ихъ, не вызывая еще законодателя къ энергическимъ противъ нихъ мѣрамъ. Быть можетъ къ этому времени дѣйствительно относился тотъ, сравнительно, золотой вѣкъ доброй нравственности правительственныхъ органовъ, на который съ удовольствіемъ указываетъ Іоаннъ IV, говоря, что до его времени *бояре, князи и дѣти боярскіе сидѣли по кормленіямъ для расправы людямъ и всякаго устроенія землямъ; обращали другихъ отъ всякаго лиха на благое, а сами были довольны оброкомъ своимъ и пошлинами указными.*

Въ своемъ Судебникѣ Грозный правило своего дѣда относитъ только къ случаямъ ненамѣреннаго, неподкупленнаго неправосудія, когда обыщется въ-правду, что боярин, дворецкой, казначей, или дьякъ *просу-*

дился и обвинилъ кого не по суду, или списокъ подписалъ, или правую грамоту далъ *безъ хитрости*. Тогда судьѣ и дьяку пени пѣтъ, несправедливо обвиненному возвращается взятое по неправому рѣшенію, а между тяжущимися производится судъ съ головы. Но отъ этого случая отличаетъ онъ другой, когда окажется по розыску, что судья или дьякъ обвинилъ кого не по суду взявши посулъ. Тогда а) на несправедливомъ судьѣ неправо обвиненному взять то, чего онъ напрасно искалъ на своемъ соперникѣ, несправедливо оправданномъ, б) съ того-же судьи взыскать всѣ судебныя по дѣлу пошлины и, кромѣ того, в) подвергается онъ пенѣ, по усмотрѣнію Государя (ст. 2 и 3). Въ грамотахъ на право судиться своими судьями излюбленными, на-случай неправосудія сихъ послѣднихъ или отступленія отъ предписаннаго закономъ порядка въ запискѣ суда, угрожается имъ даже смертною казнію съ отдачею животовъ ихъ тому, кто донесетъ объ ихъ злоупотребленіяхъ и безпорядкахъ (А. Э. т. I, № 250, 257 и мног. др.).

Въ Уложеніи взысканіе за неправосудіе по посуламъ, дружбѣ, или недружбѣ усилено тѣмъ, что неправильно рѣшенный искъ повелѣно взыскивать на судьяхъ *втрое* и отдавать несправедливо обвиненному, взыскивая съ нихъ же и судебныя пошлины въ казну; кромѣ того, судьямъ изъ думныхъ людей угрожается отнятіемъ у нихъ чести, а судьямъ не изъ думныхъ людей—торговою казнію, и впредь имъ у дѣла не быть (X, 5, 6). Болѣе важный шагъ сдѣланъ Уложеніемъ въ томъ отношеніи, что и тѣ случаи, когда судья только *просудился* и обвинилъ кого не по суду *безъ хитрости*, уже

не изъемлются совершенно отъ взысканій, хотя и не опредѣляется никакой общей нормы и мѣры взысканій на подобные случаи. Дѣло, неправо рѣшенное судьею, вершится въ боярской Думѣ, а если этого сдѣлать нельзя, конечно по недостатку, или неправильности судебнаго приготовленія дѣла къ рѣшенію, тогда производится дѣлу судъ съ головы; *а судьи*, за то, что онъ просудился, хотя и безъ хитрости, *что Государь укажетъ*. Легко назначить наказаніе судьѣ, о коемъ сыщется до-пряма, что онъ праваго обвинилъ, а виноватаго оправдалъ по посулу, враждѣ или дружбѣ; но труднѣе опредѣлить взысканіе съ того, кто только просудился безъ хитрости, а между тѣмъ и оставленіе всякаго просуда совершенно безъ взысканій подавало бы поводъ къ небрежности судей и умноженію судебныхъ продѣлокъ, обидныхъ для тяжущихся, и обременительныхъ для высшей власти, увеличивая число поступающихъ къ ней жалобъ на рѣшенія, хотя и неумышленныя, но все-таки неправыя, не говоря уже о томъ, что въ мнимомъ просудѣ легко можетъ скрываться и неправосудіе умышленное, ибо не всегда можно сыскать до пряма, точно ли неправый судъ произошелъ безъ хитрости, по одной ошибкѣ, или совершенъ намѣренно, по побужденіямъ предосудительнымъ. На пространствѣ между этимъ послѣднимъ, грубою ошибкою, невниманіемъ къ дѣлу, или недостаткомъ одной проницательности въ существо фактовъ и смыслъ закона, мѣры взысканій могутъ и должны быть конечно различны, начиная отъ какихъ-нибудь внушеній на будущее время, до удаленія судьи отъ должности, какъ нерадиваго, или къ ней не-

способнаго. Сознавая необходимость этого различія въ мѣрѣ взысканія и затрудняясь опредѣлить это общими правилами, Уложеніе предоставляетъ опредѣленіе взысканія за просудъ самому Государю, по ближайшему каждый разъ усмотрѣнію обстоятельствъ дѣла, *что* (каждый разъ) *Государь укажетъ*.

Въ противуположность этому неопредѣленному положенію и на мѣсто его является потомъ правило, вполнѣ опредѣленное, и по формѣ и внѣшнимъ признакамъ повидимому легкое къ примѣненію на дѣлѣ, но уже лишенное всякой разборчивости въ степени невниманія, несосмотрительности судьи, или дѣйствительныхъ затрудненій постановить рѣшеніе правильное. Все опредѣляется тѣмъ только, признано ли будетъ рѣшеніе судьи правильнымъ, или неправильнымъ, по сужденію высшей инстанціи.

Въ видахъ успленія источниковъ въ пособіе къ окладу членовъ присутственныхъ мѣстъ и канцелярій, Петръ В. въ 1715 г. (2879), установивъ, кромѣ пошлинъ, извѣстный взносъ тяжущимся на судей и канцелярію по суммѣ иска, при первомъ рѣшеніи дѣла, опредѣлилъ и штрафы съ нихъ при переносѣ дѣлъ въ высшія инстанціи, если жалоба окажется неосновательною, а именно — съ неправаго жалобщика въ 2-ю инстанцію вдвое противъ того, что слѣдовало взнести ему по обвинительному для него рѣшенію въ инстанціи 1-й, а въ 3-й инстанціи, если жалобщикъ неправо обращался и туда, вдвое противъ того, что слѣдовало съ него взыскать по рѣшенію 2-й инстанціи. Подобно тому и съ такимъ же постепеннымъ удвоеніемъ опредѣлены штрафы

и съ судей. Съ судей первой инстанціи, рѣшеніе копхъ признано будетъ неправильнымъ второю, взыскивать штрафъ вдвое противъ того, что неправо обвиненый имп долженъ былъ заплатить въ судѣ 1-й степени; такимъ же образомъ и на судьяхъ 2-й инстанціи, рѣшеніе копхъ признано будетъ неправильнымъ въ Сенатѣ, взыскивать вдвое противъ того, что бы слѣдовало ко взысканію съ неправаго жалобщика, «*дабы*, заключаетъ законодатель, *на сіе взирая, судьи неправедно судить*, такъ какъ и *челобитники судей клепать не дерзали*».

Тотъ-же порядокъ взысканій за неправыя рѣшенія, послѣ нѣсколькихъ потомъ измѣненій его въ частностяхъ [1727 Іюл. 3 (5112) 1730 Нояб. 2 (5640) 1737 Нояб. 23 (7446) 1798 Мар. 11 (18426)], въ главныхъ чертахъ своихъ подтвержденъ и подведенъ подъ правила, болѣе общія, въ 1802 году Генв. 29 (№ 20127), съ значительнымъ только облегченіемъ штрафовъ относительно судей и секретарей, а именно: a) съ судей и секретарей, коихъ сужденія, при окончательномъ рѣшеніи дѣла въ высшей инстанціи, признаны будутъ несправедливыми, взыскивать въ видѣ штрафа, по дѣламъ вотчинымъ, вексельнымъ и судпымъ, опредѣленный процентъ со всей цѣны имѣнія или иска, о коемъ положено ими неправое рѣшеніе; b) штрафъ этотъ должны платить всѣ неправо рѣшившіе судьи и секретари, въ совокупности, а не каждый порознь, безъ возвышенія и удвоенія по инстанціямъ, какъ это постановлено было въ 1715 году вообще и осталось въ силѣ относительно штрафа съ неправыхъ жалобщиковъ. c) При одинаковомъ неправомъ рѣшеніи дѣла низшаго и высшаго мѣста, разлагать

штрафъ на оба мѣста въ совокупности, при различныхъ же рѣшеніяхъ, каждое мѣсто отвѣчаетъ отдѣльнымъ полнымъ штрафомъ за свое неправое рѣшеніе. Въ соображеніяхъ пользы этого порядка взысканій выставляется на видъ, что взысканіе, съ одной стороны, штрафовъ съ судей и секретарей за ихъ неправыя рѣшенія, а съ другой — обращеніе въ ихъ пользу половины штрафовъ съ неправыхъ на нихъ жалобщиковъ послужитъ для нихъ убѣжденіемъ, ободреніемъ и поощреніемъ къ внимательному и строжайшему разсмотрѣнію и рѣшенію дѣлъ по закопамъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ не будетъ повода и почетнѣйшимъ изъ избираемыхъ отъ обществъ къ уклоненію отъ службы, но обезопаситъ и ободритъ ихъ въ прилѣжномъ по закопамъ прохожденіи службы; а еслибъ и за симъ открылись столь нерадивые изъ присутствующихъ и секретарей, что и за многократнымъ штрафованіемъ за неправыя рѣшенія не исправились и нашлись бы въ томъ виновными, таковые, какъ нерадящіе о должностяхъ своихъ, будутъ подлежать удаленію отъ нихъ, а обличенные въ умыслѣ и пристрастіи будутъ подвергаемы сверхъ того и дальнѣйшему сужденію по закопамъ. При всей этой сообразительности нельзя однакожъ не замѣтить, что инстанція низшая всегда можетъ опасаться штрафа, потому что и лучшія ея разсужденія могутъ не найти одобренія въ инстанціи высшей, а эта послѣдняя всегда будетъ права и безотвѣтственна только потому, что она есть инстанція высшая; разсчетъ же членовъ, штрафованныхъ противъ ихъ убѣжденія, на возмездіе изъ штрафовъ съ обвиняемыхъ жалобщиковъ конечно не всегда можетъ быть вѣренъ.

По этой, безъ сомнѣнія, причинѣ и эта система взысканій за неправыя рѣшенія не долго оставалась въ силѣ.

Въ 1828 году, Іюл. 11 (№ 2148), Государств. совѣтъ, въ исполненіе Высочайшей воли, сообразивъ указъ 1802 года о штрафахъ съ судей и секретарей нижнихъ присутств. мѣстъ съ прежними о томъ положеніями, нашелъ, 1) что штрафы эти первоначально положены въ 1715 году, когда не было еще ни Гражд. Палатъ, ни Уѣздн. Судовъ, ни правильнаго и постояннаго надзора посредствомъ стряпчихъ и прокуроровъ, ни порядка апелляцій и различія между частными и апелляціонными жалобами, 2) что штрафъ, возобновленный въ 1802 году, взятъ изъ судебнаго порядка, тогда уже не существовавшаго, 3) что за медленность и неправильность въ производствѣ дѣлъ положены по закону разныя взысканія, а за пристрастіе, подлогъ или обманъ, судъ уголовный, 4) что наложеніе большихъ денежныхъ взысканій за рѣшенія присут. мѣстъ, отмѣняемыя Правит. Сенатомъ, служитъ поводомъ къ злоупотребленію и уклоняетъ дворянство и купечество отъ выборовъ. По соображенію всего этого постановлено: штрафы съ судей и секретарей, установленные въ 1802 году за рѣшенія ихъ, отмѣняемыя высшею инстанціею, отмѣнить по всѣмъ дѣламъ, за исключеніемъ межевыхъ, для коихъ штрафы эти, какъ установленные при первоначальномъ образованіи этой части, не подвергшейся такимъ измѣненіямъ въ производствѣ, какъ по другимъ дѣламъ гражданскимъ, оставлены въ своей силѣ. При семъ замѣчено, что этою отмѣною штрафовъ не ослабляется сила законовъ относительно пени и другихъ взысканій за упуще-

ніе и нарушеніе судебными мѣстами ихъ обязанностей. Въ дѣйствующемъ нынѣ Уложеніи о наказаніяхъ, въ статьяхъ о неправосудіи, различаются: а) неправильное рѣшеніе дѣла *изъ корыстныхъ или иныхъ личныхъ видовъ, съ явнымъ нарушеніемъ законовъ и вопреки положительному ихъ смыслу*, и б) несправедливое рѣшеніе, послѣдовавшее *отъ ошибки* судьи, или *неправильнаго, лишь по недоразумѣнію, толкованія законовъ*. Извѣстно, что неправосудіе перваго рода подвергается уголовному, или хотя и исправительному, по строгому наказанію, неправосудіе же втораго рода подлежитъ только замѣчанію, или выговору.

IV. Кошихинъ, въ своемъ описаніи Россіи въ царствованіе Ц. Алексѣя Михаиловича (VII, 38), о русскихъ судьяхъ того времени говоритъ, что «хотя на неправосудіе положено наказаніе и судья чинятъ крестное цѣлованіе съ жестокимъ проклинательствомъ, что имъ посуловъ не имати и дѣлати въ правду, по Царскому указу и Уложенію; но ни во что ихъ вѣра (присяга) и заклинательство, и наказанія не страшатся, отъ прелести очей своихъ и мысли содержати не могутъ и руки свои ко взятію скоро допущаютъ» и проч.

Не знаемъ, въ какой степени достовѣрно это сказаніе за время давно минувшее; но и безъ свидѣтельства Кошихина мы вѣримъ и знаемъ, что и во всякое время ни присяга, ни угроза наказаній не удерживаютъ многихъ отъ противузаконныхъ и недобросовѣстныхъ дѣйствій, когда внутри ихъ преобладаютъ другія побужденія, постоянно, или при извѣстныхъ только случаяхъ и обстоятельствахъ. Грязное корыстолюбіе, мстительная

вражда, угодливая дружба, боязливая зависимость и т. п. — вотъ побужденія, могущія превозмочь надъ волею судьи противъ голоса закона и совѣсти и въ рукахъ его направить вѣсы правосудія не по вѣсу правды. Необходимо устранить въ судьѣ эти побужденія, или, по крайней возможности, ослабить ихъ силу, отстранить случаи и положить преграды къ ихъ проявленію на дѣлѣ.

Не должно щадить корыстолюбія, какъ страсти, готовой спокойно торговать и совѣстію и правдою, и пораженныхъ имъ, какъ проказою, слѣдуетъ съ позоромъ изгонять изъ храмовъ правосудія. Но, съ другой стороны, благоразуміе и справедливость требуютъ озаботиться и о томъ, чтобъ нищета и лишенія въ необходимыхъ житейскихъ потребностяхъ не вынуждали иногда и людей съ благороднымъ направленіемъ, для утоленія голода, обращаться къ плоду запрещенному. Извѣстно, что шагъ, однажды сдѣланный съ трудомъ и паденіемъ себѣ, изъ одной крайности, повторяется уже легче, а тамъ образуется навыкъ и постыдный промыслъ, губящій человѣка, могшаго быть вѣрнымъ и дѣльнымъ слугою обществу и долгу. Конечно, было бы полезно, чтобъ мѣста судей были занимаемы лицами съ обезпеченнымъ состояніемъ, которыя бы были *животомъ прожиточны*. Но имущественное благосостояніе невсегда соединяется въ одномъ лицѣ съ другими, необходимыми для судьи качествами и способностями, и немного найдется богачей, которые бы охотно принимали на себя званіе, требующее усидчивой дѣятельности и соединенное съ множествомъ непріятныхъ столкновеній. Съ другой стороны, нельзя требовать и того, чтобъ общественныя должности, а

между ними — и должность судьи, были исправляемы безмездно, въ видѣ тягостной повинности, отъ которой всякій и всячески желалъ бы отдѣлаться. Занятія общественною службою во всякомъ случаѣ должны быть достаточно вознаграждены, какъ требуетъ вознагражденія и всякій трудъ; а принимая во вниманіе, что посвящающій себя служебнымъ занятіямъ жертвуетъ для того лучшими лѣтами своей жизни, оставляя для себя дряхлость и немощи, дѣлающія его неспособнымъ къ дальнѣйшимъ трудамъ для содержанія себя и семейства, вознагражденіе служебное должно обезпечить содержаніе служащаго не только на время его службы, но и по оставленіи опой. На все это давно уже обращено вниманіе нашимъ правительствомъ, и дѣло состоитъ въ томъ только, чтобы вознагражденіе было достаточное, чтобъ служащій не былъ вынуждаемъ крайностію обращаться къ средствамъ недостойнымъ и противнымъ его должности.

Извѣстно, что система вознагражденія за трудъ по службѣ гражданской, и въ особенности судебной, долгое время существовала у насъ въ иномъ видѣ, нежели нынѣ. Судьи кормились непосредственно отъ суда, а судъ оплачивался непосредственно тяжущимися, главнымъ образомъ тѣмъ изъ нихъ, кто по суду обвиняется. Не будемъ говорить о существовавшемъ у насъ когда-то и невозбранявшемся законами какомъ-то патріархальномъ обычаѣ добровольныхъ приношеній судьямъ отъ тяжущихся, сверхъ того, что положено было закономъ. («*А посулятъ* большому намѣстнику, а двѣма третникомъ тоже; а Тіуну В. Князя, *что посулятъ*, а у поля ему

вяжчаго треть, а пересуда треть же, *да ино посулят*». А. Э. № 115. «А будетъ судъ смѣстной, и они судятъ вопче, а прибыткомъ и *посуломъ* и виною дѣлятся на полы». Акты, отн. до др. юр. б. Рос., стр. 165 въ концѣ. См. также *Успенскаго* Древн., стр. 512—514). Легко понять, что эти добровольныя приношенія скоро обратились въ предметъ вымогательства и въ матеріальные мотивы при разборѣ и рѣшеніи дѣлъ, чѣмъ, конечно, и возбудили необходимость такъ частыхъ повтореній въ законахъ: посуловъ и помниковъ не брать, не сулить и и не давать. Всѣмъ извѣстно по опыту, въ какую притязательность, торговлю и кормленье обратилось положеніе извѣстныхъ у насъ чиновниковъ, копмъ вмѣсто жалованья предоставлено довольствоваться добровольными даяніями просителей. (Ук. 1738 Іюн. 8 Инстр. п. 12). Самымъ закономъ опредѣленныхъ пошлинъ съ суда, подъ разными названіями, составлялось такое количество, что судъ не напрасно назывался кормленьемъ. (*Татищ.* въ примѣч. къ суд. стр. 29). Эта доходность суда была конечно главною причиною до мелочности точныхъ распредѣленій, куда какой судъ тянетъ, и какъ дѣлиться доходомъ съ праваго и виноватаго въ судахъ смѣсныхъ, когда истецъ принадлежалъ къ одному вѣдомству, а отвѣтчикъ къ другому. Правительство и тогда обращало вниманіе на то, чтобъ кормленья было достаточно для лица, имъ пожалованнаго, а потому, по просьбамъ кормленщиковъ, или переводило ихъ въ города болѣе доходные (*Татищ.* 1. с), или городъ, раздѣленный между двумя кормленщиками, оставляло за однимъ,

когда оказывалось, что обоимъ имъ тамъ *быть сытымъ не съ чего.* (А. И. I. № 110).

Обложеніе суда пошлинами конечно не противно справедливости и принято вездѣ, имѣя и ту пользу, что можетъ останавливать неосновательные иски и недобросовѣстное ихъ возбужденіе *; но обращеніе этихъ пошлинъ въ непосредственный источникъ дохода и содержанія судей легко можетъ расположить ихъ и къ пристрастельности на поживы противузаконныя. Не напрасно же такъ часто обращались къ правительству жители многихъ областей и общинъ съ просьбами принимать отъ нихъ ежегодно въ казну опредѣленную сумму за доходъ кормленщиковъ, хотя-бы въ увеличенномъ количествѣ, лишь-бы ихъ у нихъ не было, и правительство уважало эти просьбы, предоставляя просителямъ судиться своими судьями излюбленными. Какъ бы то ни было, судъ давно пересталъ быть законнымъ кормленіемъ судей, судебныя пошлины стали обращаться въ казну, а судьямъ положены оклады Государева жалованья. Необходимо, чтобъ эти оклады были опредѣляемы и по временамъ измѣняемы сообразно съ возможностію имѣть отъ нихъ безбѣдное существованіе, необходимо, какъ сказано въ именномъ Сенату указѣ II. Екатерины II-й (1762 г. Іюл. 23), «чтобы судейскія мѣста были наполняемы достойными *и каждому было назначено пристойное жалованье, чтобы справедливая служба была награждена и малоимущіе не имѣли причинъ склониться къ лакомству*». Странно слышать

* (А. Э. I, № 242 въ концѣ).

возгласы и разсужденія, что сколько бы ни были увеличиваемы служебные оклады, навыкъ къ противузаконнымъ поживамъ будетъ продолжаться по прежнему. Это значитъ — при видѣ зла предаваться отчаянной мысли о невозможности его уничтоженія и предоставлять его свободному ходу и дальнѣйшему развитію. Здравый разсудокъ, напротивъ, говоритъ, что надобно прежде устранить явную и несомнѣнную причину зла, сколько-нибудь его извиняющую, зла во многихъ, можетъ быть, невольнаго, и тогда уже и дѣйствовать всѣми мѣрами строгости противъ его продолженія. Справедливое вниманіе къ этому обстоятельству оказано правительствомъ на дѣлѣ и въ настоящее время. Будемъ надѣяться, что это не останется безъ добрыхъ послѣдствій.

V. Для устраненія другихъ побужденій къ суду пристрастному, для поддержанія правосудія и необходимаго къ нему довѣрія не только вообще, но и въ особенности въ каждомъ данномъ случаѣ, когда бы представлялись какія-нибудь особыя и основательныя причины и поводы подозрѣвать возможность пристрастія и неправаго сужденія въ судьяхъ, у насъ давно уже принято правиломъ устранять подозрѣваемыхъ судей отъ сужденія по дѣлу во всѣхъ подобныхъ случаяхъ, и притомъ не по указаніямъ только и просьбамъ о томъ самихъ тяжущихся, но въ нѣкоторыхъ случаяхъ, независимо отъ того, и по положительному требованію самаго закона. Въ Уложеніи (X, 3) высказано это правило, только относительно самыхъ обыкновенныхъ обстоятельствъ, возбуждающихъ подозрѣніе, что если истецъ, или отвѣтникъ будетъ объяснять, что судья ему недругъ, или его

противнику другъ, или свой, и потому нельзя ему передъ нимъ искать, или отвѣчать, то такому судьѣ дѣла его не судить, а судить другому, кому Государь укажетъ. Послѣдующими узаконеніями подробнѣе указаны и объяснены причины, на основаніи которыхъ тяжущійся можетъ просить объ устраненіи судьи отъ сужденія по его дѣлу. Такъ, сверхъ родства, свойства, дружбы или вражды судьи съ однимъ изъ тяжущихся, отнесены сюда: собственное участіе судьи въ дѣлѣ, подлежащемъ его сужденію, зависимость судьи отъ тяжущагося по прежнему его у него служенію, или воспитанію, или по собственному дѣлу судьи, которое подлежитъ суду тяжущагося, однородность подлежащаго суду дѣла съ собственнымъ дѣломъ судьи, гдѣ-либо производящимся; не оставлено безъ вниманія и тайное въ обществѣ обхожденіе судьи съ истцемъ, или отвѣтчикомъ, или секретное съ нимъ объясненіе; наконецъ замѣчено, что, кромѣ поименованныхъ въ законѣ причинъ подозрѣнія, истцу и отвѣтчику, желающимъ оградить себя отъ пристрастія, предоставляется приводить «и другія причины, о которыхъ разумный судья самъ разсудить можетъ, ибо законами всѣхъ ихъ опредѣлить въ подробности не возможно». (Св. Зак. Т. X, Ч. II, ст. 300). Въ этомъ указаніи причинъ къ отводу обращено такимъ образомъ вниманіе на всѣ главнѣйшія и возможныя пружины, могущія уклонить судью отъ свободнаго правдиваго и безпристрастнаго сужденія и выраженія своего убѣжденія, или отъ прямаго и правильнаго на дѣло взгляда, на возможность увлеченія судьи собственнымъ его матеріяльнымъ интересомъ въ дѣлѣ

и его рѣшеній, на особенную пріязнь его или угодливость къ одному изъ тяжущихся, или непріязненное расположеніе къ другому, не только по непосредственному, прямому отношенію судьи къ истцу, отвѣтчику, или къ дѣлу, но и чрезъ посредство лицъ близкихъ, жены, родителей или родственниковъ, и на предполагаемое, легко можетъ быть, неправильное предубѣжденіе судьи по собственному дѣлу, могущее управлять его сужденіемъ и о чужомъ подобномъ же дѣлѣ, его суду подлежащемъ (*«чтобы для своего примѣра дѣла не испортилъ»*. 1724 Нояб. 13, п. 4). Предоставленіемъ сверхъ того благоразумному судьѣ самому разсудить объ уважительности или неуважительности предъявляемыхъ причинъ къ подозрѣнію на его товарища, или подчиненнаго, объемлются уже и всѣ возможные случаи и причины, по коимъ отводъ судьи можетъ имѣть мѣсто.

Въ большей части случаевъ и въ обыкновенномъ порядкѣ, законъ предоставляетъ самимъ тяжущимся предъявлять подозрѣніе на судей и просить объ ихъ устраненіи и за-тѣмъ молчаніе тяжущагося справедливо принимаетъ за отсутствіе съ его стороны всякаго на судью подозрѣнія, воспрещая въ такомъ случаѣ и судьямъ, подъ видомъ уклоненія отъ подозрѣнія, отрекаться отъ присутствія. Но въ нѣкоторыхъ случаяхъ, независимо отъ предъявленія и просьбы истца или отвѣтчика, самъ законъ велитъ судьѣ у дѣла неприсутствовать, или объявить въ судѣ о существующей причинѣ возможнаго противъ него подозрѣнія и подчиняться рѣшенію о томъ своихъ сочленовъ. Такъ, по указу царя Ѳеодора Алексѣевича (12 Авг. 1681), боярамъ, окольничимъ и дум-

нымъ людямъ, сидящимъ у расправныхъ дѣлъ въ Золотой палатѣ, повелѣвается, при слушаніи дѣлъ ихъ, или ихъ свойственниковъ, выходить и въ палатѣ не быть. Петръ В., замѣтивъ, что въ разсмотрѣніи дѣлъ участвуютъ судьи — родственники и свойственники лицъ, до коихъ дѣла касаются, объявилъ, что сему быть «весьма не надлежитъ», почему и приказалъ Сенату послать указы во всѣ коллегіи, чтобъ впредь того не было и судьи бы, сродники участвующихъ въ дѣлѣ, при разсмотрѣніи его, выходили въ свои домы (5 Генв. 1720), а потомъ и точнѣе постановилъ общимъ правиломъ, что если при слушаніи дѣла случится судьямъ быть свойственникамъ тяжущагося до внучатныхъ, то тѣмъ судьямъ *весьма* (непремѣнно) выходить, а ежели далѣе, или состоятъ съ тяжущимся въ дружбѣ, тогда объявить всѣмъ о своемъ свойствѣ или дружбѣ и, ежели велятъ быть, то быть, а ежели не велятъ, или умолчатъ, то безспорно выдти, а родственникамъ, какъ ближнимъ, такъ и дальнимъ, не быть при судѣ (1723, Окт. 25, и 1724, Мая 20). Извѣстно, что это правило остается и нынѣ въ своей силѣ (Св. Зак. т. X, ч. 2, ст. 303).

Понятно, что при единоличномъ устройствѣ судебной расправы отводъ судьи есть отводъ и всей надлежащей инстанціи. Потому не удивительно, что, при завѣдываніи судной части Приказами и воеводами, дѣла по подозрѣніямъ и просьбамъ переводились изъ одного Приказа въ другой, или отъ одного воеводы и изъ одного города въ другой городъ къ иному воеводѣ. Напротивъ, при коллегіальномъ устройствѣ судебныхъ мѣстъ, подозрѣніе противъ одного члена, или только нѣкото-

рыхъ, хотя-бы даже противъ предсѣдателя, не влечетъ за собою необходимости устраненія всей коллегіи и перенесенія дѣла въ другое судебное мѣсто. Довольно заподозрѣнныхъ членовъ, хотя-бы и предсѣдателя, для разсмотрѣнія и рѣшенія дѣла замѣнить лицами изъ другихъ присутственныхъ мѣстъ, какъ и дѣлается, и цѣль отвода достигнута. Могутъ быть конечно случаи, когда небезосновательное подозрѣніе падаетъ на всѣхъ членовъ судебн. мѣста, напр. по дружбѣ или хлѣбосольству всѣхъ ихъ съ однимъ изъ тяжущихся, или по служебной и другой всѣхъ ихъ отъ него зависимости и т. п. Въ подобныхъ случаяхъ, какъ извѣстно, подозрѣніе на всѣхъ присутствующихъ у насъ не принимается потому, какъ сказано въ Высоч. резолюціи (1778 г. (№ 14,829) п. 11 и Св. Зак. т. X, ч. 2, ст. 302), что тогда и дѣла производить было бы не кому; вмѣсто отвода въ такомъ случаѣ, въ огражденіе тяжущагося отъ пристрастія, указывается ему на право апелляціи, если онъ будетъ рѣшеніемъ недоволенъ. Неуспокоительнымъ для тяжущагося въ этомъ правилѣ остается только то, что a) окончательное рѣшеніе дѣла отдаляется по необходимости на значительное время, пока дѣло пройдетъ по апелляціямъ высшія инстанціи; b) что, по общему правилу, онъ не можетъ воспользоваться и апелляціею, когда не допускаетъ ее сумма тяжбы или иска, c) что одна, а можетъ быть и двѣ инстанціи по крайней мѣрѣ теряются для него, какъ безполезныя.

Мы оставляемъ здѣсь подробности, относящіяся къ порядку принятія отводныхъ прошеній, или къ разнымъ условіямъ ихъ уваженія по правиламъ существо-

вавшимъ прежде, или существующимъ нынѣ, (напр. что отводъ принимался прежде (Улож. X, 3 и 4, 1686, Февр. 23 и нѣк. др.) только до начатія самаго перваго производства дѣла (Улож. X, 3 и 4; 1686, Февр. 23 и нѣк. др.), а нынѣ можетъ имѣть мѣсто по крайней мѣрѣ только до постановленія рѣшенія, что перенесеніе дѣлъ изъ Приказа въ Приказъ по подозрѣніямъ дозволялось только *по подписнымъ челобитнымъ* (1697, Окт. 7), т. е. по царскимъ указамъ, подписываемымъ на челобитныхъ о переносѣ дѣла, или,—какія принимались мѣры противъ проволо́чекъ дѣла многократнымъ передвиженіемъ его изъ города въ городъ по челобитью то истца, то отвѣтчика (А. др. юр. быт. Т. I. столб. 364 и слѣдующ. и Ук. 1680 Сент. 22, П. С. З. № 837 и т. под.).

Замѣтимъ только, 1) что въ прежнее время не только дозволялся переводъ извѣстнаго дѣла изъ Приказа въ Приказъ, или изъ одного города въ другой, но по прошеніямъ челобитчиковъ, по постояннымъ причинамъ къ подозрѣнію на мѣстнаго воеводу и всякихъ приказныхъ людей, челобитчики и вовсе освобождались отъ ихъ суда и расправы по всѣмъ дѣламъ, касающимся самихъ челобитчиковъ, или ихъ крестьянъ и людей, и подчинялись вѣдомству воеводы и приказныхъ людей другаго неотдаленнаго города, для чего и давались имъ особыя судимыя грамоты, или посылались о томъ въ оба города указы (1663, Генваря 4, и Ак. др. юр. быт. Т. I, столб. 369). 2) По Уложенію — если въ слѣдствіе жалобы тяжущагося на поноровку его противнику со стороны полячаго передавалось

дѣло другому подъячему (X, 13), то еще съ большимъ основаніемъ надобно предположить въ подобныхъ случаяхъ устраненіе отъ производства дѣла дьяковъ, предмѣстниковъ нынѣшнихъ секретарей. Не говоря о томъ, что при иныхъ судьяхъ все зависѣло и зависитъ отъ дьяковъ или секретарей, самое законное значеніе этихъ чиновниковъ въ приготовленіи дѣла къ рѣшенію таково, что они могутъ имѣть весьма важное вліяніе на исходъ дѣла и качество рѣшенія. Не напрасно же какъ прежде дьяки, такъ потомъ и секретари подвергаются вмѣстѣ съ судьями взысканіямъ за неправыя рѣшенія, и секретарямъ предоставлено участіе въ дѣлежѣ штрафовъ съ неправыхъ на рѣшенія жалобщиковъ. А если такъ, то и отводъ этихъ чиновниковъ, въ отвращеніе вреднаго вліянія ихъ на дѣло, былъ бы такъ-же не излишенъ, какъ имѣетъ онъ мѣсто и относительно судей. Недостатокъ правила объ этомъ конечно замѣняется въ нѣкоторой степени предоставленіемъ тяжущемуся прочитывать докладныя записки и указывать въ рукоприкладствѣ на ихъ невѣрности и недостатки и даже присутствовать при самомъ докладѣ дѣла предъ его рѣшеніемъ. — 3) Для устраненія всякаго обиднаго для тяжущихся вліянія на рѣшеніе судей, принимались прежде, по просьбамъ тяжущихся, подозрѣнія и отводы и противъ прокуроровъ, съ замѣною ихъ въ такомъ случаѣ прокурорами изъ другихъ присутственныхъ мѣстъ, или стряпчими (Ук. Сен. 3 Мая 1761), но извѣстно, что отводы эти потомъ отмѣнены на томъ основаніи, что прокуроры сами никакихъ дѣлъ не судятъ и ихъ заключеніямъ

присутств. мѣста не обязаны непремѣнно слѣдовать, если не найдутъ ихъ правильными и согласными съ законами (Ук. Сен. 19 Дек. 1782).

VI. Наконецъ, какъ противъ нарушенія всякихъ служебныхъ обязанностей, такъ и противъ нарушенія обязанностей судейскихъ, представляется, конечно какъ мѣра полезная и необходимая, бдительный надзоръ и наблюденіе за точнымъ и добросовѣстнымъ исполненіемъ судьями своего долга. И наши верховные блюстители правосудія, внушая судьямъ правоту и добросовѣстность, обязывая ихъ клятвою къ точному исполненію своего священнаго долга и грозя за нарушеніе его взысканіями, изыскивали способы наблюденія, чтобы въ судахъ не было неправды. Такъ, Петръ В., столь много дѣлавшій для лучшаго устройства суда и расправы и столь много заботившійся о водвореніи въ своемъ обновляемомъ государствѣ порядка и правосудія, зная, что за глазами, по выраженію его, много бываетъ дурковщокъ (1724, Мая 20), нашелъ нужнымъ учредить постоянное наблюденіе между прочимъ и за соблюденіемъ правосудія чрезъ посредство лицъ, къ тому довѣренныхъ. Извѣстно, что имъ между прочимъ и для этой цѣли учреждены были *фискалы* подъ начальствомъ оберъ-фискала, которымъ, по его идеалу, долженъ быть человѣкъ умный и добрый. Въ числѣ обязанностей его было предположено — надъ всѣми дѣлами *тайно надсматривать и провѣдывать про неправый судъ*, и кто неправду учинитъ, то долженъ онъ позвать его предъ Сенатъ (какой-бы высокой степени онъ ни былъ) и тамо его уличать, и буде уличитъ кого, то половина

питрафа ему, а другая въ казну, а если и не уличитъ, то не подлежать ему ни отвѣтственности, ни нареканію. Подъ нимъ провинціальные фискалы имѣютъ такую-же власть и свободу кромѣ того, что безъ оберъ-фискала не могутъ высшаго судью потребовать на судъ. (Им. ук. Сенату 1711, Мар. 5). Въ дополненіе къ тому объяснено, что оберъ-фискалу должно смотрѣть по его назначенію во всѣхъ губерніяхъ и по всѣмъ Приказамъ, не исключая и архіерейскихъ (1711, Авг. 10). Уже эта обширность власти фискаловъ и ихъ безотвѣтственность, а безъ сомнѣнія и неумѣнье сладить съ своимъ положеніемъ, держась въ предѣлахъ благоразумія и умѣренности, и излишнее вмѣшательство въ дѣла неподлежащія, скоро заставили учредителя ихъ ограничить ихъ власть и вліяніе, по чему и указано: «фискалюмъ въ челобытчиковы дѣла ни въ какія не вступать, а вѣдаться челобитчику съ отвѣтчикомъ самимъ, также и въ неправомъ вершеньѣ на судью въ Сенатѣ имъ, челобитчикамъ, бить челомъ самимъ же, а фискаломъ до того дѣла нѣтъ». (1713, Апр. 24). Такимъ обр. кругъ власти и обязанностей этихъ чиновниковъ ограничсиъ дѣлами, ближе подходящими къ самому ихъ названію, дѣлами собственно государственнаго интереса, и къ должности ихъ отнесено: «провѣдывать, доносить и въ судѣ обличать всякія преступленія указовъ, всякія взятки и кражу казны, равно какъ и все, могущее быть ко вреду государственнаго интереса, и дѣла безгласныя, не имѣющія о себѣ челобитчиковъ, не касаясь дѣлъ, гласъ о себѣ имѣющихъ» (1714, Март. 17). На стражѣ порядка, законности и правосудія ставитъ Петръ

другія лица, съ характеромъ дѣятельности открытымъ, опредѣленнымъ органически и болѣе соотвѣтствующимъ цѣли, — разумѣемъ генералъ-прокурора съ его помощникомъ, оберъ-прокуроромъ въ Сенатѣ, и прокуроровъ въ коллегіяхъ. Перваго изъ нихъ называетъ онъ своимъ *окомъ*, каждаго изъ послѣднихъ — *окомъ* генералъ-прокурора въ коллегіи. (Инстр. Ген. Прок. 27 Апр. 1722 и Инстр. Прокур. 5 Апр. 1722). Въ обязанность имъ вмѣняется смотрѣть, по принадлежности, накрѣпко, чтобъ Сенатъ и коллегіи соблюдали свою должность, всѣ дѣла исправлялп порядочно и въ судахъ и расправѣ поступали бы праведно и нелицемѣрно и проч.

Нѣтъ надобности входить здѣсь въ подробное разсмотрѣніе правъ и обязанностей этихъ лицъ, съ прпосдпненными къ нимъ потомъ для инстанцій низшихъ стряпчими, равно какъ и порядка наблюденія ими за судомъ и расправою по тѣмъ положеніямъ, которыми все это опредѣлено въ-послѣдствіи съ большею точностью. Мы знаемъ изъ этихъ положеній, что, не дѣлаясь сами вершителями дѣлъ и не стѣсняя судебныхъ мѣстъ въ законной ихъ дѣятельности, эти наблюдатели законности и порядка имѣютъ постоянный и бдительный надъ ними надзоръ, дѣлаютъ имъ нужныя напоминанія и предложенія, способствуютъ къ правильному пониманію законовъ и принимаютъ предоставленныя имъ мѣры противъ неправильныхъ распоряженій и рѣшеній. Но есть еще одна мѣра къ отвращенію неправосудія, возбудившая въ настоящее время много разсужденій, и мы не можемъ не упомянуть объ ней въ заключеніе.

Однимъ изъ главнѣйшихъ предположеній, выражаемыхъ нынѣ въ видахъ разныхъ улучшеній въ судопроизводствѣ, выставляется, какъ извѣстно, его *гласность*; чтобъ дѣло суда совершалось судьями не предъ однимъ зерцаломъ, безмолвнымъ свидѣтелемъ всего предъ нимъ происходящаго, но чтобъ были при томъ и лица посторонніи, чтобъ судьи, подлежа такимъ образомъ во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ наблюденію присутствующихъ, тѣмъ болѣе удерживались въ предѣлахъ законности и безпристрастія. Нѣтъ надобности объяснять, что многое, совершаемое спокойно, смѣло или небрежно втайнѣ, не дѣлалось бы такъ открыто и публично, по крайней мѣрѣ изъ приличія и опасенія.

Законодательство и юридическіе памятники прежняго времени ведутъ насъ къ заключенію, или говорятъ прямо и ясно, что гласность судебныхъ дѣйствій въ извѣстныхъ предѣлахъ и различныхъ видахъ существовали и у насъ. 1. Изъ договора Смоленскаго князя съ Нѣмцами 1229 г. (Грам. Румянц. I. стр. 3) видимъ, что дѣла оканчивались передъ судьями и *передъ добрыми людьми*.—2. Въ правыхъ грамотахъ и судныхъ спискахъ, за исключеніями, или можетъ быть, и опущеніями, весьма немногими, обыкновенно встрѣчаемъ мы въ концѣ акта оговорку, какъ общую формулу: «*А на судѣ*, или *у доклада были*»; или «*а тогда*», «*а тутто были* N N. Изъ этого не исключались и тѣ случаи, когда дѣло разбиралъ и рѣшалъ самъ Государь. Присутствіе при судѣ и судебныхъ дѣйствіяхъ посторонннихъ лицъ считалось до такой степени необходимымъ и обычнымъ, что безъ того и самый актъ суда тѣмъ самымъ уже

опорочивался въ общемъ понятіи. (Боярин Салтыковъ, жалуясь Царю Алексѣю Михайловичу на обидную для него выдачу Князю Сицкому не вѣстной противъ него грамоты по челобитью его, Сицкаго, Царю Михаилу Ѳеодоровичу, въ жалобѣ своей указываетъ между прочимъ на то, что Сицкой билъ челомъ, утаясь его, Салтыкова, въ комнатѣ *безъ людей*. Ак. др. юр. быта. I, № 48). Но въ этомъ общемъ смыслѣ присутствіе извѣстныхъ лицъ при судѣ, между которыми именуются иногда только товарищи судьи, представляется въ томъ-же качествѣ и значеніи, какъ и присутствіе свидѣтелей при совершеніи актовъ вообще, въ удостовѣреніе того, что дѣйствительно по дѣлу судъ происходилъ и такое-то состоялось рѣшеніе. — 3. По Новгородской Судной грамотѣ (1471 г.) тяжущіеся должны были сажать отъ себя въ судѣ по равному числу засѣдателей «*а сажати въ суду по два человѣка*» *. Мы не можемъ опредѣлить съ точностію, въ чемъ состояло назначеніе этихъ посаженыхъ; участвовали ли они въ дѣлѣ суда, какъ посредники тяжущихся, или защитники и оберегали каждый своего кліента, или были только офиціальными свидѣтелями того, что въ судѣ происходило. Видно,

---

* Напрасно одинъ юный изслѣдователь сего памятника силится доказать, что здѣсь разумѣются сами тяжущіеся (Сбор. изд. Студ. Петерб. Унив. Вып. I-й. 1857 г. стр. 265 и 279). Противъ такого толкованія довольно замѣтить, что выраженіе «*сидѣть въ судѣ*» обыкновенно употреблялось о судьяхъ или офиціальныхъ въ судѣ засѣдателяхъ, а иногда означало и самое сужденіе («Государь приказалъ *сидѣть о томъ боярамъ*»); о тяжущихся говорилось: «*поставить* на судъ, *стать*, *стоять* на судъ».

однакожъ, что каждый изъ нихъ имѣлъ къ посадившему его извѣстныя при судѣ обязательныя и отвѣтственныя отношенія. «*А кто кого посадитъ, что тотъ съ тѣмъ и вѣдается.* Они должны были присутствовать какъ при судѣ, т. е. при судебныхъ объясненіяхъ между собою тяжущихся, такъ и при докладѣ (*«А у докладу быть* — между прочимъ — *кои люди въ судѣ сидѣли»*). Не мудрено, что Новгородцы, привычные къ вѣчевымъ сходкамъ и схваткамъ, не чужды были готовности подобнымъ же образомъ выражать дѣятельное свое участіе, или искать его у своихъ сосѣдей по концу, улицѣ, сотнѣ, или ряду, и въ дѣлахъ суда, гдѣ-бы онъ ни производился, въ тіунской ли одринѣ, или во владычнемъ дворѣ. Этимъ объясняется и то, почему въ Суди. грамотѣ нѣсколько разъ повторяется строгое воспрещеніе, подъ опасеніемъ значительнаго денежнаго штрафа (*заклад*), сверхъ дозволеннаго числа засѣдателей наводить въ судъ посторонихъ людей (*наводка*) и сбивать съ суда, или съ доклада судью, докладчиковъ, истца, или отвѣтчика.

1. Въ большей ясности и опредѣленности представляется намъ замѣчательная система наблюденія за дѣломъ суда со стороны земства въ лицѣ дворскихъ, старостъ и цѣловальниковъ, людей лучшихъ, система, развивавшаяся особенно во время и подъ вліяніемъ Судебниковъ.

Судебникъ Іоанна III на судѣ у бояръ или дѣтей боярскихъ, за которыми кормленья съ судомъ боярскимъ, велитъ быть дворскому, старостѣ и лучшимъ людямъ и безъ нихъ намѣстникамъ и волостелямъ суда не судить. В. К. Василій Іоанновичъ сажаетъ во Псковъ 12

городничихъ и старостъ Московскихъ 12, и Псковскихъ 12 и велитъ имъ *съ судъ сидѣть съ намѣстники и съ Тіуны, правды стерети* (П. Г. Р. Т. VII примѣч. 77), равнымъ образомъ слышна, что въ В. Новгородѣ начальники и тіуны судятъ не прямодушно и хздовмно, велитъ выбрать тамъ изъ улицъ лучшихъ людей 48 человѣкъ и къ цѣлованью привести; съ тѣмъ, чтобъ они по-очередно съ ними судили, по четыре на всякій мѣсяцъ (тамъ-же пр. 352). Іоаннъ IV въ своемъ Судебникѣ (ст. 72 и 68) повторяетъ и усиливаетъ правило своего дѣда, чтобъ у намѣстниковъ и волостелей и ихъ тіуновъ были на судѣ дворскіе, старосты и цѣловальники, даже и тамъ, гдѣ того прежде не было, безъ различія, будутъ ли намѣстники имѣть кормленье съ боярскимъ судомъ, или безъ суда боярскаго, и безъ нихъ намѣстникомъ, волостелямъ и ихъ тіунамъ суда не судить. Такого-же рода участіе людей лучшихъ въ судѣ представляется и въ жалованныхъ грамотахъ, коимъ, по просьбамъ жителей нѣкоторыхъ городовъ, волостей и т. п., предоставляется имъ судится чрезъ судей изъ среды себя для того избираемыхъ. «*А на судѣ и съ обыску и во всякихъ дѣлѣхъ у изъ среды сихъ голосъ быти посадскимъ людемъ, и становымъ, и волостымъ, кои къ суду приписаны, лучшимъ людемъ, колькимъ будетъ пригоже* (А. Э. Т. I. №№ 234, 257 и мн. др.), или: «*А съ судъ у записи всякихъ дѣлъ у изъ среды сихъ судей сидѣть ихъ же посадскимъ людемъ, кого они* (Шуяне) *выберутъ*». (А. Э. Т. II. стр. 120). Тотъ-же порядокъ предписывался и для духовнаго вѣдомства въ статьяхъ изъ Соборнаго

уложенія о судѣ святительскомъ. Кромѣ собственно духовныхъ дѣлъ, по всѣмъ прочимъ дѣламъ святители повелѣваютъ духовныхъ и мірскихъ людей своего вѣдомства судить своимъ бояромъ, а у бояръ въ судѣ сидѣть старостамъ поповскимъ и пятидесяцкимъ и десяцкимъ, по недѣлямъ, по два, или по три, да градскимъ старостамъ и цѣловальникамъ, да земскому дьяку (А. И. Т. I, № 155). Подобнымъ образомъ монастыри, учреждая порядокъ суда надъ своими крестьянами, приказывали судить ихъ прикащику, а съ нимъ быть въ судѣ священнику, да крестьяномъ 5-ти или 6-ти добрымъ и середнимъ (А. Э. Т. I, столб. 258).

О значеніи всѣхъ этихъ ассистентовъ въ судѣ высказано однимъ ученымъ и повторено его послѣдователями замысловатое объясненіе, будто старосты и цѣловальники, люди добрые, лучшіе были, въ настоящемъ ихъ значеніи, *вѣдатели народныхъ обычаевъ, органы обычнаго права* (viva vox) *предъ судьями* (Рѣчь Проф. *Мороикина* объ Улож., стр. 16, и *Кавелина* Основ. нач. Рус. судоустр. и Гражд. судопр. стр. 14). Не увлекаясь оригинальностью этого мнѣнія, не подкрѣпляемаго ни существомъ дѣла, ни источниками, а скорѣе опровергаемаго и тѣмъ и другими, мы находимъ прямое объясненіе по этому предмету въ источникахъ. I. По Судебнику дворской, староста и цѣловальники противупоставляются судьямъ кормленщикамъ, какъ и дьякъ земскій дьякамъ сихъ послѣднихъ, и въ этой позиціи охраняютъ и удостовѣряютъ вѣрность судныхъ списковъ, чтобы не было въ нихъ противъ судныхъ рѣчей подлога, опущеній, или перемѣнъ, а потому и употребляются къ

рѣшенію сомнѣнія, еслибъ при докладѣ дѣла предъ выс-шимъ судьею тяжущійся *по списку не такихъ*, а сказалъ, что судъ ему *былъ, да не таковъ*, какъ въ судномъ спискѣ написано (ст. 69). — 2. Въ отвращеніе преувеличенныхъ, или вымышленныхъ исковъ, а равно и утайки имущества при раскладкѣ земскихъ повинностей, староста и цѣловальники наблюдаютъ въ судѣ, чтобъ предъявляемый искъ соотвѣтствовалъ животамъ и промыслу истца и по суммѣ своей не превышалъ имущества, съ котораго истецъ платитъ по раскладкѣ подать, для чего ежегодно и сообщались имъ *разметныя*, или раскладочныя, о податяхъ *книги* (Суд. ст. 72.). — 3. Люди намѣстника, или волостеля, отдавая кого-либо на поруки и не получая по немъ поручителей, не могутъ взять его подъ стражу безъ предварительной явки старостѣ и цѣловальникамъ, иначе сіи послѣдніе, по жалобѣ родственниковъ взятаго, немедленно освобождаютъ его, а взявшіе подвергаются удовлетворенію за безчестіе взятаго и двойному платежу того, чего онъ будетъ искать на нихъ (Ст. 70). II. *По статьямъ изъ Соборнаго уложенія о судѣ святительскомъ* — сидящіе на судѣ у бояръ и десятильниковъ старосты поповскіе, и цѣловальники и земскій дьякъ держатъ у себя точные съ судныхъ дѣлъ списки (*протоколы*), прикладывая свои руки и печати къ остающимся у судей, и вообще наблюдаютъ, *чтобъ было бережно и тихъ бы дѣлъ не переписывали*, и еслибъ судьи стали судить не въ-правду, брать посулы, волочить дѣла и чинить продажу, то старостамъ и цѣловальникамъ съ священниками, которые сидятъ съ ними на судѣ, и земскому дьяку гово-

ять имъ, судьямъ, о томъ, чтобы судили въ-правду и посуловъ не брали, и если они ихъ не послушаютъ, то писать имъ о томъ Царю-Государю. Присутствуя такимъ образомъ въ судѣ поповскіе старосты и цѣловальники слѣдятъ и за всѣми дѣйствіями бояръ, дворецкихъ, десятильниковъ и ихъ дьяковъ въ отношеніи къ церковнослужителямъ и церковнымъ людямъ. При нихъ новоопредѣленный десятильникъ осматриваетъ у церковнослужителей и возвращаетъ имъ установленные акты на право церковнослуженія; при нихъ совершается отдача церковнослужителей и мірскихъ людей на поруки, производятся обыски и т. п., ими же производится изслѣдованіе объ изшишихъ поборахъ, или посулахъ. III. По жалов. грамотамъ на право судиться судьями излюбленными, на судѣ этихъ судей, при обыскахъ и при всякихъ дѣлахъ присутствуютъ посадскіе, становые, или волостные люди лучшіе, *чтобъ отъ тѣхъ судей ни кому ни въ чемъ силы, обиды и продажи безлыпичныя не было* (А. Э. I, № 234). При нихъ же, какъ слѣдуетъ по Судебнику, составляются и судные списки.

Всего сказаннаго довольно для уразумѣнія истиннаго, настоящаго смысла и назначенія разсматриваемаго нами учрежденія, чтобъ на судѣ у судей присутствовали старосты и люди лучшіе, цѣловальники. Это не вѣщатели предъ судьями обычнаго права и народныхъ обычаевъ, которые потому самому, что обычны и народны, и должны быть извѣстны всякому судьѣ, а въ особенности судьямъ, избираемымъ изъ того-же общества, въ которомъ право обычно и обычай народенъ; это и не простые, случайные, или произвольные *поспѣшители* судей-

скихъ засѣданій, завлекаемые туда однимъ любопытствомъ, или одностороннимъ участіемъ въ дѣлѣ со стороны истца или отвѣтчика: они обязаны присутствовать тамъ и при всѣхъ судебныхъ дѣйствіяхъ и *безъ нихъ судьи суда не судятъ*.

Они присутствуютъ тамъ не какъ простые зрители судебныхъ дѣйствій и обрядовъ, или какъ присяжные притомъ свидѣтели, но выслушиваютъ тяжущихся, велятъ при себѣ записывать ихъ рѣчи и доказательства, повѣряютъ и удостовѣряютъ судные списки, останавливаютъ иски не по животамъ, промыслу и податному имуществу истцовъ и т. п. Но старосты и лучшіе люди, съ другой стороны, въ собственномъ смыслѣ и *не судьи;* ибо сами они не судятъ никакихъ дѣлъ, а судятъ намѣстники, волостели, тіуны, бояре, десятильники, или судьи, собственно для того излюбленные; не вызываютъ къ суду, не отдаютъ на поруки, не полагаютъ рѣшеній и не участвуютъ въ дѣлежѣ судебныхъ пошлинъ. Это только наблюдатели за порядкомъ и безобидностію суда вообще и въ отдѣльныхъ его дѣйствіяхъ, уполномоченные на то и закономъ отъ лица судьи верховнаго, и довѣріемъ избравшаго ихъ, подвѣдомаго суду общества.

Въ этомъ качествѣ старосты и лучшіе люди, будучи какъ-бы представителями всего избравшаго ихъ сословія, составляютъ собою съ земскимъ дьякомъ какъ-бы особое при судѣ наблюдательное общество на-столько дѣятельное, на-сколько требуется это его назначеніемъ, чтобъ отвратить или остановить злоупотребленія, подлоги, неправосудіе и притѣсненія со стороны судей и дьяковъ судейскихъ. Замѣчая неправосудіе, посулы, про-

волочки и продажи, они напоминаютъ судьямъ о законности и порядкѣ, и въ случаѣ безуспѣшности этихъ напоминаній (по правиламъ для суда церковнаго, а можетъ быть и вообще), доносятъ высшей власти. Такимъ образомъ, стоя за правду и безобидность въ интересахъ всего своего сословія, тѣмъ самымъ они служатъ защитниками на судѣ и отдѣльныхъ его членовъ, своихъ собратій. Не будучи судьями, а только присутствуя на судѣ и притомъ по-перемѣнно, они менѣе ихъ могутъ подлежать и подозрѣнію въ пристрастіи къ кому-либо изъ тяжущихся, подобно тому, какъ изъяты отъ подозрѣній и отводовъ и наши прокуроры, именно потому, что сами они никакихъ дѣлъ не судятъ.

Не время при настоящемъ случаѣ, да нѣтъ и существенной надобности входить здѣсь въ розысканія о первоначальномъ образованіи этого учрежденія (быть можетъ это и остатокъ, или отродокъ, суда народнаго, общиннаго); но смотря на него, какъ на образовавшееся данное, ясно высказанное въ законѣ о его приложеніи, мы не можемъ не замѣтить, что оно, во 1) по идеѣ своей въ особенности и было полезно и необходимо относительно судей кормленщиковъ, въ которыхъ судъ— непосредственный источникъ ихъ наживы законной, скорѣе могъ возбудить мысль и отвагу на поживы незаконныя злоупотребленіемъ этого источника. По примѣру ли только суда кормленщиковъ, или и независимо отъ того, по возможности злоупотребленія со стороны всякаго судьи, эта система наблюденія относилась, какъ мы уже видѣли, и къ суду судей излюбленныхъ. 2) По самому существу своему, составъ наблюдателей изъ

выборныхъ отъ всего сословія, или общества, приписаннаго къ суду, и можетъ имѣть мѣсто съ удобствомъ только въ обществахъ или областяхъ не на обширныхъ и отдаленныхъ пространствахъ, какъ-то — въ городахъ, посадахъ, волостяхъ и т. п. Для наблюденія за судами съ вѣдомствомъ на области обширныя, отдаленныя, быть можетъ на пространствѣ всего государства, система эта была бы во многихъ отношеніяхъ по крайней мѣрѣ чрезвычайно затруднительна къ ея осуществленію. Потому-то мы ее и не находимъ въ Приказахъ, въ которыхъ судились дѣла изъ разныхъ обширныхъ областей, съ отдаленныхъ концовъ государства. Кромѣ того, Приказы повѣрялись достойнѣйшимъ довѣрія лицамъ, и, находясь, такъ сказать, предъ глазами верховнаго правительства, менѣе могли возбуждать и подозрѣнія въ пристрастіи, или безпорядкахъ. 3) И относительно суда кормленщиковъ, намѣстниковъ, волостей и т. п. система наблюденія за нимъ выборными отъ обществъ и земства едва-ли могла имѣть надлежащее приложеніе и успѣхъ уже потому обстоятельству, что въ рукахъ областныхъ правителей была не одна судебная власть надъ жителями области, и слѣдовательно сами наблюдатели за ихъ правосудіемъ, состоя въ разнообразной, стѣснительной отъ нихъ зависимости, едва-ли могли свободно ратовать противъ нихъ и на судѣ за правду, и все значеніе ихъ, по важному ихъ званію, легко и часто могло ограничиваться однимъ упоминаніемъ въ правыхъ грамотахъ и судныхъ спискахъ, что они *на судѣ сидѣли*. Къ тому-же результату могло вести и малое знакомство этихъ ассистентовъ съ умножающимися и разнобразя-

щимися судебными обрядами и формами, равно какъ и съ законами, безъ знанія которыхъ нельзя судить и о вѣрности, или неправильности ихъ приложенія. Не то ли же явленіе часто, а можетъ быть и большею частію, представляется къ сожалѣнію и въ нынѣшнихъ засѣдателяхъ судебныхъ мѣстъ отъ разныхъ сословій? Въ такомъ положеніи и самое званіе старостъ и цѣловальниковъ для сидѣнія въ судѣ давно могло обратиться только въ тягость для земства, въ прежнія времена и безъ того обязаннаго давать изъ среды себя цѣловальниковъ для разныхъ государственныхъ и общественныхъ потребностей.

Почему бы то ни было, но уже на судѣ городскихъ и пригородскихъ воеводъ мы не видимъ этихъ прежнихъ сидѣльцевъ. Перемѣна въ устройствѣ судебной части и въ образованіи судебныхъ мѣстъ и инстанцій стала представлять, можетъ быть, и менѣе необходимости въ надзорѣ за судьями со стороны подсудныхъ имъ сословій. Уже назначеніе при воеводахъ товарищей могло быть не безполезнымъ и для правосудія, а Учредитель настоящаго коллегіальнаго порядка въ мѣстахъ судебныхъ могъ не безъ основанія сказать, что «*въ коллегіяхъ, какъ собраніи многихъ персонъ, президенты или предсѣдатели уже не такую моць имѣютъ, какъ старые судьи: дѣлали, что хотѣли*» (1718, дек. 22). Здѣсь и дѣла могутъ быть обсужены основательнѣе и полнѣе, и недостатокъ правдивости или разумѣнія въ одномъ можетъ быть восполненъ добросовѣстностію и разумѣніемъ другихъ сочленовъ, имѣющихъ каждый свой голосъ и вѣсъ.

Въ существующемъ у насъ порядкѣ гражданскаго су-

допроизводства, при общемъ и постоянномъ надзорѣ со стороны правительства за порядкомъ и законностью дѣйствій судебныхъ мѣстъ, дальнѣйшее предохранительное наблюденіе за каждымъ дѣломъ въ особенности предоставляется болѣе бдительности и усмотрѣнію самихъ тяжущихся. Пользуясь предоставленными для того правами, каждый изъ нихъ можетъ лично, или чрезъ повѣреннаго, слѣдить за дѣломъ во всемъ его движеніи и устранять обстоятельства, могущія имѣть результатомъ неправое его рѣшеніе; можетъ устранить подозрительнаго для него судью, частными жалобами противудѣйствовать неправильнымъ въ производствѣ дѣла распоряженіямъ, или предварительнымъ рѣшеніямъ; можетъ отразить недостойныя уваженія объясненія и доказательства своего противника; можетъ обезпечить себя относительно полноты приготовленія дѣла къ рѣшенію, правильности и вѣрности изложенія обстоятельствъ его предъ судьями—рукоприкладствомъ на докладной запискѣ и даже присутствіемъ своимъ при самомъ докладѣ.

При всѣхъ обозрѣнныхъ нами мѣрахъ противъ неправосудія мы не можемъ не повторить замѣчанія, что вѣрнѣйшее обезпеченіе правдивости суда лежитъ во внутреннихъ качествахъ, въ благородномъ, благонамѣренномъ направленіи лицъ, коимъ ввѣряется дѣло суда и расправы. Судья добросовѣстный и благонамѣренный будетъ совершать дѣло правды и безъ всякаго за нимъ наблюденія, безъ всякихъ мѣръ противъ нарушенія его долга; отъ неправосудія судьи недобросовѣстнаго не

всегда могутъ охранить и самый бдительный надзоръ, самыя, повидимому, вполнѣ разсчитанныя мѣры.

Благородные питомцы науки! И изъ васъ, можетъ быть, многіе будутъ облечены высокимъ званіемъ судей, да и безъ должностей судейскихъ, въ какомъ званіи не встрѣтитесь вы съ святымъ долгомъ справедливости и съ соблазнами неправды! Вамъ внушается съ истинами науки все возвышенное и благородное, предъ вами совершается общее стремленіе къ повсюдному и прочному водворенію порядка и правосудія въ нашемъ отечествѣ. Докажите жъ въ свое время на дѣлѣ, что не напрасно возвѣщалось вамъ слово правды и вы были не холодными, не равнодушными наблюдателями настоящаго общаго стремленія; докажите на дѣлѣ, что надзоръ и предохранительныя мѣры въ вѣрномъ прохожденіи вашего званія нужны — не для васъ.

2007050069